

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ “ЗАМОРОЖЕННЫХ” КОНФЛИКТОВ

© 2019 г. Н. Арбатова

*АРБАТОВА Надежда Константиновна, доктор политических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (arbatova@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 27.02.2019.

Статья посвящена анализу трех измерений постсоветских “замороженных” конфликтов – внутреннему, постимперскому/постсоветскому и международному, диалектике взаимосвязи этих измерений в отношениях России и ЕС/Запада и перспективам урегулирования этих конфликтов. Становление новых независимых государств вследствие распада бывшей Югославии и СССР породило сепаратизм национальных меньшинств, достаточно многочисленных для того, чтобы рассчитывать на собственную государственность, что стало причиной многих внутригосударственных конфликтов. Несмотря на экономическую, политическую, культурную и этническую специфику таких внутригосударственных конфликтов и их различия в плане геополитического положения, все они имеют определенные общие существенные черты. Это – горечь поражения доминирующей титульной этнической группы в конфликте с сепаратистами в результате вмешательства внешней силы, фактор беженцев (за исключением Приднестровья), потеря территориальной целостности, а также тот факт, что на смену коммунизму в новых независимых государствах пришел национализм. Исключение в период распада СССР составляла только Россия, где коммунистический строй был повержен революционными демократами, тогда как российские националисты выступали за возрождение советской империи. Однако этот период был очень коротким. По мере того как между Россией и ее западными партнерами зрели и обострялись противоречия, конфликты на постсоветском пространстве стали зеркальным отражением их соперничества и угрозой международной и региональной безопасности. Это в полной мере продемонстрировал украинский конфликт.

Ключевые слова: СНГ, Россия, ЕАЭС, Европейский союз, Восточное партнерство, США, расширение НАТО, Нагорный Карабах, Приднестровье, кавказский кризис, украинский конфликт, стратегия безопасности, оборона и внешняя политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-88-100

Возникшие в процессе распада СССР конфликты – в Нагорном Карабахе (НК), Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии получили название “замороженных”. После 1991 г. в Чечено-Ингушской АССР началось сепаратистское движение, которое привело к двум кровопролитным войнам в 1994 и 1999 гг. В 2008 г. произошло “размораживание” грузино-югоосетинского и грузино-абхазского конфликтов, а в 2014 г. разразился новый украинский конфликт. Строго говоря, география постсоветских конфликтов гораздо шире и охватывает новые независимые государства Центральной Азии – ферганский конфликт в Узбекистане в 1989 г., ошский – в Киргизии в 1990 г., таджико-киргизский конфликт в 1989 г. Однако именно “замороженные конфликты” в Широком Черноморье привлекали в первую очередь внимание международной общественности, прежде всего стран Европейского союза и НАТО. Это объяснялось географической близостью региона к ЕС и европейским членам НАТО, превращавшегося постепенно в арену противостояния России и Запада.

ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ

При общем определении ряда постсоветских конфликтов как “замороженных”, то есть неурегулированных, но не находящихся в горячей стадии, между ними есть различия. Ситуация в Нагорном Карабахе и в Украине при всей непохожести их истоков более нестабильна, чем, скажем, в Приднестровье. Эти конфликты можно определить как тлеющие или конфликты низкой интенсивности, поскольку время от времени имеет место нарушение прекращения огня. За исключением конфликта в Нагорном Карабахе, который практически сразу стал межгосударственным между Азербайджаном и Арменией, грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты до 2008 г., а также приднестровский конфликт были внутренними, хотя и Тбилиси, и Кишинев обвиняли Москву в причастности к ним. В 2008 г. в ходе кавказского кризиса Россия напрямую вмешалась в конфликт с Грузией для защиты своих миротворцев и мирного населения. По мнению Украины, Россия – участница конфликта на ее территории. Последняя считает украинский конфликт внутренним,

но признает, что в Донбассе воевали российские добровольцы.

Кроме того, остается неопределенность и в отношении конфликтов внешне разрешенных через признание независимости этих государственных образований некоторыми членами международного сообщества, но не урегулированными окончательно, то есть, по сути, отложенными. В частности, является ли провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии по модели Косово окончательным урегулированием конфликтов с Грузией? По всей видимости, только их признание последней может поставить точку в этом вопросе. Является ли окончательно закрытым чеченский конфликт, или он остается отложенным? Сегодня можно с уверенностью сказать только то, что стабильность в Чечне зависит от одного человека — Рамзана Кадырова. Но достаточно ли это прочный фундамент для мира в Чечне и России?

На постсоветском пространстве самые большие человеческие потери и разрушения в таких конфликтах имели место в России на Северном Кавказе и Таджикистане. Также пострадали Молдавия, Грузия, Узбекистан и Киргизия. По некоторым оценкам в конфликтах на пространстве бывшего СССР было убито около 130 тыс. человек, и многие оказались беженцами [1]. С локальными конфликтами связана и самая жестокая, варварская форма насилия, преднамеренно направленная против гражданского населения в виде терроризма. Это в первую очередь исламский экстремизм, а также многие разновидности этнического или религиозного сепаратизма, организованной преступности, прежде всего наркобизнеса.

Постсоветские конфликты традиционно воспринимались на Западе исключительно как часть российской политики в СНГ, направленной на сохранение контроля над этим пространством. И, наоборот, для российского руководства региональные стратегии Европейского союза и НАТО, продвигающие влияние этих институтов в зоне стратегических интересов России, виделись как угроза национальной безопасности. Реальная картина гораздо сложнее, и замороженные конфликты имеют, по крайней мере, три измерения — внутреннее, постимперское и международное. Причем два последних были неразрывно связаны: попытки Запада заполнить вакуум на “ничейной территории” неизбежно превращали постимперское измерение в политике бывших “метрополий” в неоимперское, порождая новые конфликты и проблемы. Строго говоря, в этом нет ничего нового. На обломках рухнувших империй всегда возникали этнорелигиозные и территориальные конфликты, в которые охотно вступали внешние силы, готовые побороться за имперское наследство.

ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Внутреннее измерение замороженных конфликтов тесно связано с их истоками. Внешние игроки не могли бы вбивать клинья между сторонами, вовлеченными в эти конфликты, если бы не было оснований для раздора. После наступления периода “гласности” во второй половине 1980-х годов, когда национальным меньшинствам стало безопаснее выражать свои требования, начался подъем национальных сепаратистских движений. Распад СССР усилил рост этнического насилия в тех бывших советских республиках, где этнорелигиозные, территориальные проблемы существовали и до прихода советской власти.

Проблема Нагорного Карабаха обострилась еще в горбачевском СССР, когда с 1987 г. московские власти стали получать одно за другим разные письма с требованием объединения Карабаха и Армении [2, р. 13]. Москва занимала выжидательную позицию, что подстегнуло слухи о готовящейся передаче Нагорного Карабаха Армении. 2 сентября 1991 г. Карабахский национальный совет — бывший Совет народных депутатов НКАО — провозгласил независимую Нагорно-Карабахскую Республику на территории Нагорно-Карабахской автономной области и Геранбойского (Шаумяновского) района Азербайджанской Республики. Этот шаг стал окончательным подтверждением давнего неприятия армянским населением Нагорного Карабаха политики серьезных ограничений культурной и религиозной свободы, практикуемой центральными властями СССР и Азербайджана, но более важной причиной стал территориальный конфликт из-за земли.

И азербайджанцы, и армяне приводят в поддержку своих притязаний на Карабах разные исторические аргументы. Первые утверждают, что этот регион всегда находился под властью азербайджанцев. В ответ на это армяне заявляют, что в Карабахе всегда жили армяне, а правление азербайджанцев было нелегитимным. История этой пограничной между Азербайджаном и Арменией земли, особенно вопросы происхождения здешнего населения и его исторической государственной принадлежности, — предмет дискуссий и сегодня [2, р. 3]. Острая стадия конфликта закончилась к 16 апреля 1993 г. убедительной победой карабахских армян, поддержанных вооруженными силами Армении. Вооруженные действия на всей протяженности конфликта с обеих сторон сопровождались насилием и жестокостью против мирного населения.

В Грузии дезинтеграционные процессы, которые происходили на территории СССР, пробуждая националистические настроения и извлекая на свет прошлые обиды всех сторон — участниц этих конфликтов, обострили конфликты и в Южной

Осетии и Абхазии. Лозунг “Грузия – для грузин” президента-националиста Звиада Гамсахурдия послужил катализатором сепаратистских настроений у осетин и абхазов. Соответственно, Абхазия и Южная Осетия, в поисках самоопределения, требовали независимости от вновь созданной Республики Грузия. Эти противоречия не были новыми явлениями и зародились еще в XIX столетии [3].

Политическое руководство автономного региона Южная Осетия стремилось повысить его статус путем воссоединения с Северо-Осетинской Автономной Республикой (входившей в состав Российской Федерации). В качестве контрмеры Тбилиси (как в свое время это сделал и Слободан Милошевич в отношении Косово) в 1990 г. упразднил статус автономии Южной Осетии, поскольку грузинские националисты не считали осетин коренным народом. Когда Тбилиси попытался силой остановить процесс распада, в начале 1991 г. в Южной Осетии разразился первый вооруженный конфликт, в результате которого около тысячи человек были убиты, а десятки тысяч стали беженцами и вынужденными переселенцами.

Грузино-абхазские противоречия имеют давнюю историческую подоплеку. Ученые с обеих сторон традиционно по-разному трактовали древнюю, средневековую и современную историю Грузии и Абхазии, в частности древнюю историю Восточного Причерноморья, появление христианства на этих территориях. В процессе распада СССР свою роль здесь сыграли и политические противоречия.

В Абхазии, имевшей право на сохранение своего автономного статуса, грузины оспаривали политические привилегии абхазской титульной нации, составлявшей всего 17% населения¹. Лидеры абхазского национального движения, не признававшие полномочия грузинского политического руководства в Тбилиси еще до распада СССР, стали предпринимать попытки повысить статус Абхазии с автономной до союзной республики. После распада Советского Союза Абхазия потребовала предоставления ей равного с Грузией статуса в рамках свободной федерации. Эскалация напряженности в спорах вокруг политического статуса вылилась в войну 1992–1993 гг., в которой грузинские войска, состоявшие в основном из полувоенных формирований, вмешались в политический конфликт между двумя основными национальностями Абхазии. Открытая стадия конфликта завершилась победой абхазских войск, воевавших при поддержке националистических движений с Северного Кавказа и российских военных. 200–250 тыс. человек

¹ Из 537 тыс. населения довоенной Абхазии (по состоянию на 1 января 1990 г.) 44% были грузины, 17 – абхазы, 16 – русские и 15% – армяне. Хроника грузино-абхазского конфликта 1989–2008 гг. Справка 4 мая 2008. Available at: <https://ria.ru/20080504/106510243.html> (accessed 11.02.2019).

(преимущественно грузинской национальности) стали беженцами. Эта война и последующие события нанесли огромный экономический ущерб хозяйству Абхазии, который оценивается в 10.7 млрд долл. [4]

В Приднестровье внутренние истоки конфликта объяснялись спецификой распада восточного блока и Советского Союза. В отличие от Грузии, Армении и Азербайджана, как отмечал молдавский политик и историк Оазу Нантой, «территория Республики Молдова в целом не идентифицируется с каким-либо государством в до-советском прошлом и, соответственно, на момент развала СССР в сознании проживавших на ее территории людей не существовало традиции государственности. Более того, проживающему на этой территории населению для оправдания очередного “освобождения” обычно навязывалась какая-то этническая идентичность. Как следствие, и по сей день искусственно навязанная проблема национальной идентичности мажоритарного населения Республики Молдова интенсивно эксплуатируется в политических целях» [5].

Растущие на фоне дезинтеграционного процесса в СССР национальные устремления Молдавии, конец коммунистического правления в соседней Румынии в декабре 1989 г. и быстрое сближение между двумя государствами заставили русскоязычное меньшинство в Приднестровье поверить в скорую возможность союза между Кишиневом и Бухарестом с перспективой оказаться в составе Румынии. “С самого начала политического противостояния в Молдавской ССР, – пишет Нантой, – фактор румынофобии стал активно использоваться для запугивания и политической мобилизации населения. Особенно в гротескной форме это проявлялось в индустриальных центрах Приднестровья. Появившиеся неконтролируемые компартией печатные издания подливали масла в огонь, пугая население апокалипсическими сценариями объединения с Румынией” [5].

Представляется, что внутренняя проблема титульной нации и русскоязычного меньшинства в Молдавии и Украине не имела этнорелигиозной подоплеку, как это было в Грузии, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе. По сути, произошло столкновение двух политических идентичностей – поначалу националистической/антисоветской и советской, а позднее прозападной и российской. Руководство Евросоюза (и Запад в целом) плохо понимало проблему. Оно исходило в СНГ из своего опыта в Центральной и Восточной Европе, не видя различий между разными регионами посткоммунистического пространства. Для стран ЦВЕ возвращение в Европу было логичным и естественным. Коммунистическое прошлое,

привнесенное извне, не оставило там того глубокого следа, который оно оставило на постсоветском пространстве. Ложная дилемма “Европа или Россия?” разделила население бывших советских республик практически пополам. Этот внутренний раскол был особенно выражен в Молдавии и Украине еще до присоединения Россией Крыма, и здесь следует особо сказать о роли национальных политических элит в посткоммунистической трансформации. Ярким ее примером является Украина, самая крупная (после России) страна на европейском пространстве СНГ.

Подобно практически всем посткоммунистическим странам, Украина столкнулась после обретения независимости с такими грозными проблемами, как национализм, клановость, коррупция и общая неэффективность государства. В отличие от России она не имела богатых запасов нефти и газа, что требовало особенно продуманной национальной стратегии экономического развития. Вместе с тем Украина обладала наилучшими среди бывших республик СССР цивилизационными (научными, информационными, технологическими) и социокультурными предпосылками для самостоятельного развития, лучшими плодородными почвами в Европе, но не смогла их использовать и по многим позициям оказалась позади России, Белоруссии, Казахстана, не говоря уже о ее европейских соседях (Польше, Словакии, Венгрии).

В целом признавая эмоциональную неадекватность и нередко преувеличенное восприятие угрозы национализма титульной нации этническими меньшинствами, следует признать один из парадоксов такого национализма: пытаясь тормозить процессы дезинтеграции в своих странах, он пытается ограничить разнообразие и богатство культуры, языков национальных меньшинств и тем самым подогревает сепаратистские настроения. Об этом очень хорошо и точно сказал О. Нантой. Его анализ и характеристику ошибок официального Кишинева можно распространить и на Москву, и на Тбилиси, и на Баку, и на Ереван, и на Киев: “Ошибки Кишинева были предопределены поразительно низким уровнем политической культуры, доминировавшим в обществе вкупе с тоталитарным менталитетом. К ним относятся – непонимание важности поддержания диалога как с инакомыслящими лидерами, так и с населением” [5].

Иными словами, запалом разгорания этих конфликтов в период распада СССР послужил национализм в бывших советских республиках. И хотя Россия в 1990-е годы сделала немало ошибок в своей политике на постсоветском пространстве, пытаясь превратить его в зону своего доминирования, нельзя игнорировать внутренние предпосылки этих конфликтов.

ПОСТИМПЕРСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Поначалу руководство Бориса Ельцина вообще не уделяло особого внимания новым независимым государствам (ННГ) бывшего Советского Союза, стремясь развернуть Россию к Западу и всячески подчеркивая антиимперский характер российской власти. В частности, первоначально российское руководство не оказало никакой поддержки мятежному Приднестровью, которое воспринималось Кремлем как последний оплот коммунизма. Подчеркнутое игнорирование Москвой бывших республик СССР привело в начале 1990-х годов к образованию там вакуума силы, в первую очередь на Кавказе и в Центральной Азии. Как отмечал шведский ученый Сванте Корнвелл, госсекретарь США Джеймс Бейкер посетил регион даже раньше Андрея Козырева, а США, Турция и Иран незамедлительно открыли там свои посольства. В военном отношении русские войска вытеснялись из большинства государств, а Северный Кавказ превратился во фронтовую территорию [2, pp. 46–47].

Курс Ельцина–Козырева, столкнувшись с жесткой оппозицией консервативных сил, прежде всего вооруженных сил и силовых структур, приобрел причудливую направленность – восстановление доминирующих позиций России на постсоветском пространстве при продолжении курса на сближение с Западом. Представляется, что именно тогда стал определяться и курс Запада–ЕС и США/НАТО по отношению к ельцинской России, который также имел свою специфику – поддержка Б. Ельцина во всем и везде, кроме постсоветского пространства.

По разным причинам в России стал складываться консенсус относительно миротворческих операций в зонах конфликтов. Либералы в руководстве Ельцина исходили из того, что нестабильность в ближнем зарубежье будет негативно сказываться на демократических преобразованиях в России, консерваторы также требовали активного российского вмешательства в дела соседних государств, рассматривая такое вмешательство через призму восстановления политики великой державы и наследницы не только СССР, но и Российской империи.

Этот курс отчасти объяснялся личной благодарностью Б. Ельцина силовикам, прежде всего Павлу Грачеву, министру обороны РФ, который поддерживал президента во время внутривнутриполитического кризиса в октябре 1993 г. Восстановление позиций России на пространстве СНГ конкретизировалось в основных положениях военной доктрины Б. Ельцина (ноябрь 1993 г.). В частности, предполагалось развертывание вооруженных сил России на территории стран СНГ “либо совместно с военными частями других государств, либо как исключительно российских подразделений на собственных базах”,

что и стало после принятия данной доктрины реально претворяться в жизнь².

В духе новых веяний Кремль ставил конкретную задачу — использование на постсоветском пространстве Ташкентского механизма — Коллективных сил по поддержанию мира — под эгидой СБСЕ. Признание в Итоговом документе Хельсинкского саммита 1992 г. того, что в целях содействия операциям по поддержанию мира СБСЕ может использовать ресурсы и опыт других существующих региональных организаций — ЕС, ЗЕС, НАТО, а также механизм СНГ по поддержанию мира, расценивалась Кремлем как большая дипломатическая победа России. Однако уже на Будапештском саммите СБСЕ в декабре 1994 г. российское предложение об использовании в урегулировании региональных конфликтов механизма СНГ под эгидой СБСЕ было торпедировано участниками Совещания. Россия оказалась в полной изоляции.

Причиной такого отношения участников к предложению России стало ухудшение ее международного имиджа после октябрьских событий 1993 г. и начала первой Чеченской войны. И для политической элиты, и для широкого общественного мнения на Западе война в Чечне стала переломным моментом в отношениях с РФ, возродив традиционные страхи относительно российской непредсказуемости, дефицита демократии и неомперских амбиций. В этом смысле Будапештский саммит стал первой точкой отсчета в начинающихся расхождениях России и Запада в ОБСЕ.

В качестве миротворческих контингентов российские войска были дислоцированы (и остаются по сей день) в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье — вопреки воле руководства Грузии и Молдавии, что являлось постоянным источником напряженности с этими странами. Дипломатические механизмы проведения операций по установлению мира были определены Киевским соглашением государств СНГ, заключенным в марте 1992 г. Тем не менее ни одна такая операция не проводилась с соблюдением всех условий данного соглашения. Для каждого случая, когда Россия принимала участие в разрешении конфликта, разрабатывались особые условия.

Военное присутствие России в разных формах осуществлялось и в других странах СНГ, где (за исключением Армении) предпринимались попытки избавиться от этого присутствия под любым предлогом. Гейдар Алиев ввел Азербайджан в состав СНГ, однако, по сути, он продолжал политику Эльчибея на отстаивание независимости Азербайджана только в иных менее одиозных формах. Не-

смотря на свои обещания, он отказался позволить российским военным находиться на его территории, и уход 104-й дивизии оказался уходом навсегда. Алиев также не дал России монополизировать переговорный процесс в Карабахе и не разрешил присутствие миротворческих сил с доминированием России. Москва вскоре поняла, что ее “победа” была иллюзорной. Последним жестом азербайджанского руководства стало выдавливание российской радиолокационной станции (РЛС), размещенной в Габале. В 2012 г. Азербайджан повысил арендную плату с 7 млн долл. до 300 млн долл. и не пожелал идти на уступки [6].

В 1997 г. между Россией и Украиной был подписан Договор о статусе и условиях пребывания Черноморского флота. По Договору Россия получила право использовать Севастопольскую военно-морскую базу на 20 лет. Присоединение Крыма к России в 2014 г. сняло для Москвы вопрос о Севастополе. Только в Армении российское присутствие по-прежнему официально поддерживается Ереваном как политически, так и материально.

В 1999 г. в ходе Стамбульского саммита был подписан адаптированный Договор об ограничении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ). Этот документ предусматривал ограничения по пяти типам вооружений: танки, боевые вертолеты, самолеты, бронетехника и артиллерия калибром более 100 мм. Кроме того, согласно ДОВСЕ Россия обязалась вывезти или уничтожить находящееся в Приднестровье вооружение из этих пяти категорий. В преамбуле Договора зафиксировано обязательство стран-участников не размещать свои войска на территории других стран без их согласия. В Стамбуле Россия взяла на себя обязательство вывезти все свои войска из Приднестровья. Если до конца 2003 г. Россия вывезла или уничтожила все вооружение, подпадающее под ДОВСЕ, то обязательство полного вывода российских войск из Приднестровья осталось невыполненным.

Кроме Приднестровья в соответствии с совместным заявлением на Стамбульском саммите стран — участниц ОБСЕ по адаптированному ДОВСЕ, российская сторона взяла на себя обязательства до 1 июля 2001 г. расформировать и вывести российские военные базы (РВБ) из Вазияни и Гудауты. Она также выразила готовность договориться с грузинской стороной о сроках и условиях функционирования РВБ в Ахалкалаки и Батуми. Обязательства по выводу баз из Вазияни и Гудауты были своевременно выполнены. С 2000 по 2004 г. велись российско-грузинские переговоры по срокам и условиям российских военных баз в Ахалкалаки и Батуми. В 2006 г. в Сочи представителями Минобороны Грузии и России были подписаны два соглашения: о сроках вывода российских во-

² Основные положения военной доктрины Российской Федерации (Изложение). *Красная звезда*, 19.11.1993. [The main provisions of the military doctrine of the Russian Federation (Statement). *Krasnaya zvezda*, 19.11.1993 (In Russ)].

енных баз в течение 2008 г. и транзите выводимых вооружений через грузинскую территорию.

В 2007 г. Кремль объявил о приостановлении Россией ДОВСЕ от 1990 г. и адаптированного ДОВСЕ от 1999 г. пока все страны НАТО без исключения не ратифицируют последний. По мнению Кремля, новые члены НАТО уклонялись от оформления изменений в составе групп государств — участников ДОВСЕ. В результате расширения альянса были превышены групповые ограничения Договора. Помимо этого подчеркивалось негативное воздействие на соблюдение групповых ограничений ДОВСЕ планируемого размещения обычных вооружений США на территории Болгарии и Румынии [7]. У Запада была другая версия российского моратория. В частности, считалось, что РФ не заинтересована в новой версии ДОВСЕ, так как не хотела окончательно покинуть территорию Грузии и Молдавии. Эскалация конфликта в Грузии в 2008 г. окончательно сняла вопрос о выводе российских миротворцев из Южной Осетии и Абхазии. К концу августа 2008 г. Россия официально признала суверенитет и независимость Абхазии и Южной Осетии, а в сентябре установила с ними дипломатические отношения и заключила договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Можно предположить, что развитие отношений в СНГ было бы другим, если бы Россия после замораживания конфликтов в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье проводила по этим вопросам иную политику. Особенно это касается отношений России с Грузией в 1993–1999 гг., когда президент Эдуард Шеварднадзе ввел свою страну в ОДКБ и надеялся на помощь Москвы в мирном решении абхазской и югоосетинской проблем. Однако персональная враждебность российского военнополитического руководства к грузинскому лидеру, на которого вместе с Михаилом Горбачевым возлагалась вина за распад СССР, и стремление поддерживать зависимость Грузии от России через нерешенные территориальные проблемы повлекли многолетнюю стагнацию переговорного процесса.

В результате непродуманной политики Москвы в отношении Грузии среди широких масс населения и политической элиты, а также в грузинском парламенте начали расти антироссийские настроения, и Тбилиси стал предпринимать попытки дистанцироваться от России. Грузия стала быстро сближаться с Турцией и Азербайджаном и задумываться над идеей присоединения к НАТО [8, сс. 60–61]. Впоследствии состояние Грузии как “жертвы” подержанного Москвой сепаратизма и проблема беженцев из двух анклавов помогли прийти к власти радикальному националисту Михаилу Саакашвили с его антироссийской политикой и курсом на вступление в НАТО.

Ситуация с Приднестровьем существенно отличалась от “мятежных автономий” на территории Грузии. Тот факт, что европейский выбор Молдавии предполагал нейтралитет и то, что она подписала свой индивидуальный план сотрудничества с НАТО в качестве государства, приверженного принципу сохранения нейтралитета, объективно создавал более благоприятную обстановку в отношениях между Москвой и Кишиневом. Однако признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии вызвало серьезные опасения у молдавского руководства относительно того, что Приднестровье пойдет по пути двух отколовшихся от Грузии территорий. Иными словами, в Молдавии, которая стремилась не в НАТО, а в ЕС, также стали нарастать антироссийские настроения в связи с сохраняющимся присутствием российских войск в составе Совместных миротворческих сил³. Все это в свою очередь лишало Россию стимула способствовать мирному урегулированию проблем непризнанных республик.

Кавказский кризис 2008 г. показал, что в отсутствие взаимоприемлемого решения конфликта “замораживание” статус-кво — не самый худший вариант. С постепенным улучшением российско-грузинских отношений и внутренней ситуации в Грузии, что позволило бы дать Абхазии и Южной Осетии привлекательную экономическую и политическую модель, проблема мятежных автономий могла бы разрешиться сама собой.

Украинский конфликт, в котором Москва вторично после кавказского кризиса 2008 г. провела “красную линию” распространению влияния ЕС/НАТО на пространстве бывшего СССР (за исключением стран Балтии), оказал негативное влияние на отношения РФ с партнерами по СНГ. Фактически этот конфликт, явившийся квинтэссенцией противоречий и взаимных разочарований России и Запада и поставивший их отношения на грань разрыва впервые после окончания противостояния двух систем, провел жирную разделительную линию в постбиполярной Европе. Реакция России показала, что у нее есть потенциал противодействовать тем стратегиям Запада, которые воспринимаются как угроза национальной безопасности.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Международный аспект замороженных конфликтов выходит далеко за рамки многостороннего сотрудничества в разрешении конфликтов. Отношения России со странами СНГ, на территории которых остаются неразрешенные конфликты,

³ В 1992 г. в Приднестровье в качестве миротворческого контингента было размещено 3100 российских, 1200 молдавских и 1200 приднестровских военнослужащих.

являются составным элементом значительно более широкой среды безопасности. По сути, расхождение во взглядах между Западом и Россией отражало новое противоречие постбиполярного периода: между правом наций свободно выбирать союзы безопасности, с одной стороны, и правом других наций выступать против расширения альянсов и соответственно организовывать национальную безопасность, с другой.

По мере того как между Россией и ее западными партнерами зрели и обострялись противоречия, конфликты на постсоветском пространстве стали зеркальным отражением их соперничества, которое блокировало возможности международного урегулирования конфликтов. Учитывая тот факт, что в прошлом Черноморский регион являлся пограничной областью между НАТО и Варшавским договором и то, что в настоящем у альянса, который остается военным союзом, нет четкой стратегии в отношении России, традиционные подходы к безопасности отбрасывают зловещую тень на отношения РФ и Запада в регионе.

До конфликта 2008 г. вокруг Южной Осетии и Абхазии Москва была заинтересована в региональном статус-кво. Совместно с Турцией, своим ситуативным партнером в Черноморском регионе, она выступила категорически против того, чтобы объединенный флот НАТО (в который входят и корабли нечерноморских стран – Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, Греции, Италии, Голландии, Испании) постоянно находился в черноморской акватории. Поясняя причины своего негативного отношения, российское руководство отмечало, что страны Черноморского бассейна способны собственными силами обеспечить здесь безопасность.

Перспектива расширения НАТО на Грузию изменила отношение России к региональному статус-кво. Кроме того, одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г., поддержанное США и ведущими европейскими странами против воли Сербии и в нарушение норм международного права, фактически давало не только “зеленый свет” сепаратистским движениям [8, с. 63], но и создавало прецедент для других международных акторов. В связи с косовским прецедентом возник риск эскалации замороженных конфликтов и возникновения новой напряженности между Россией и Западом. Международное сообщество оказалось расколотым по вопросу об универсальности или исключительности косовского прецедента для других “замороженных” конфликтов⁴.

⁴ Утверждение об уникальности было целью предпринятых ООН, Великобританией, Францией и США дипломатических усилий предотвратить распространение модели Косово на СНГ.

Украинский конфликт и присоединение Крыма к России заставили вновь вспомнить о косовском прецеденте. Политика Восточного партнерства ЕС, направленная на сближение с шестью странами СНГ – Грузией, Украиной, Азербайджаном, Молдавией, Арменией и Белоруссией – воспринималась в России как “операция прикрытия” НАТО. Верховный совет Крыма, приняв декларацию о независимости республики от Украины и намерении войти в состав России, напрямую ссылаясь на международный прецедент, связанный с опытом Косово [9].

Если говорить о сходстве двух прецедентов, то оно заключается лишь в следующем. Внешние силы – государство или группа государств, исходя из своих представлений о безопасности и угрозах национальным интересам, могут заставить более слабое государство отказаться от контроля над частью своей территории, где в силу ряда причин существует движение за независимость, и отделить эту территорию от остальной страны вопреки желанию ее правительства. В целом же присоединением Крыма к своей территории Россия создала новый прецедент.

Нужно отметить, что в целом российское руководство выступало за многостороннее сотрудничество в мирном урегулировании конфликтов, где приоритетом для Кремля был не столько результат, сколько проблема равенства с другими участниками. Несомненно, планы Запада выстроить новую систему безопасности главным образом на основе НАТО и Евросоюза, членом которых Россия не является, балканский опыт и перспективы расширения альянса на пространство СНГ вызвали недоверие Москвы к переговорным процессам, инициированным западными партнерами. В свою очередь страны Евросоюза и НАТО рассматривали Россию не столько как участника в решении проблемы, сколько как часть самой проблемы. Они понимали, что ее участие является крайне важным для процесса разрешения конфликтов, но вместе с тем опасались того, что вклад РФ в разрешение “замороженных” проблем усилит ее позиции в странах СНГ. Эта дихотомия в большой степени определяла характер взаимодействия России и Запада в переговорном процессе.

За последние 25 лет Приднестровского конфликта было предложено и принято множество форматов⁵ и документов, лежащих в основе переговоров по Приднестровью, от Меморандума 1997 г. до Соглашения 2002 г. “Об организации переговорного процесса по приднестровскому

⁵ Весной 1993 г. в Молдавии была учреждена Миссия ОБСЕ, имеющая мандат посредника в переговорном процессе между двумя “сторонами” – Республикой Молдова и Приднестровьем.

урегулированию”. Последнее соглашение предусматривало создание постоянного совещания в формате “5+2” (Кишинев и Тирасполь – стороны конфликта, Россия, Украина и ОБСЕ – стороны-гаранты, ЕС и США – наблюдатели). Процесс не раз буксовал и надолго прерывался из-за различий позиций конфликтующих сторон по тому или иному вопросу. Так, например, по мнению Кишинева, в Меморандуме 1997 г., в качестве формулы разрешения конфликта, было зафиксировано понятие “общего”, а не “единого” государства, что могло быть интерпретировано как установление конфедеративных отношений между Республикой Молдовой и Приднестровьем.

В 2003 г. Москва представила так называемый “Меморандум Козака”⁶ по урегулированию приднестровского конфликта. Этот план, предусматривающий федерализацию Молдавии, был отвергнут Кишиневом при поддержке США, Европейского союза и других стран буквально в последнюю минуту на том основании, что его скрытой целью являлось признание независимости Приднестровья и узаконивание присутствия там российских войск⁷. По мнению Кишинева, Меморандум Козака еще раз подтвердил очевидную мысль, что политика России направлена на контроль всей Молдавии через Приднестровье. Этот документ предусматривал превращение Молдавии в некое псевдогосударство, с заведомо парализованной центральной властью и с гарантированным (до 2020 г.) российским военным присутствием [5].

Однако молдавское руководство полностью не удовлетворял и “план Ющенко”, разработанный в 2005 г. администрацией тогдашнего украинского президента и направленный на активизацию роли Украины в решении Приднестровского вопроса. В нем Приднестровье выступало как широкая автономия (Конституция, герб, флаг и гимн) в составе Молдавии, что вызывало подозрение относительно будущей независимости этой автономии не только молдавских политиков, но и румынского президента Траяна Бэеску. Вызывало сомнение в “плане Ющенко” и реалистичность положения о “самодемократизации” Приднестровья. Предлагалось также трансформировать миротворческий формат в международный механизм гражданских и военных наблюдателей. Основываясь на некоторых пунктах плана, молдавские парламентарии

приняли летом 2005 г. закон “Об основных положениях особого правового статуса Приднестровья”, который, однако, не признается Тирасполем.

“План Ющенко” был поддержан в противовес России и представителями ОБСЕ, ЕС и США. В июне 2005 г. Владимир Воронин и Виктор Ющенко направили письмо руководству ЕС с просьбой о помощи в установлении механизма международного таможенного контроля на приднестровском участке молдавско-украинской границы, где уже в конце ноября 2005 г. была развернута Миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине. А в 2006 г. “план Ющенко” был сорван украинской блокадой (по просьбе Кишинева) Приднестровья, руководство которого вышло из переговорного процесса. Россия усилила свою экономическую помощь Приднестровью и объявила эмбарго на винную продукцию из Молдавии.

В 2007–2009 гг. усилия ЕС и Запада в целом по урегулированию приднестровской проблемы были отмечены малой интенсивностью не в последнюю очередь в связи с событиями на Кавказе. Кризис в отношениях с Россией не оставлял возможности для ее разрешения. В 2010 г. при содействии Германии, предложившей России создание Комитета Россия–ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на министерском уровне, был принят так называемый Мезербергский меморандум [10]. В нем оговаривалось сотрудничество РФ и Евросоюза в направлении разрешения приднестровского конфликта в формате “5+2”⁸, в том числе возможность “совместных мероприятий России и ЕС, которые гарантировали бы плавный переход от нынешней ситуации к финальной стадии”. Однако конфликт на Украине и вокруг Украины прервал переговорный процесс по Приднестровью, который возобновился в 2016 г. опять-таки благодаря усилиям Германии, которая председательствовала в ОБСЕ.

По признанию многих экспертов и политиков как в Молдавии, так и за ее пределами, урегулирование приднестровской проблемы могло бы быть завершено в течение полутора-двух лет при наличии политической воли у всех заинтересованных сторон. Однако последнее обстоятельство в условиях глубочайшего кризиса в отношениях России и Запада представляется сложным. Как отмечал О. Нантой, перспективы разрешения приднестровского конфликта зависят от взаимодействия целого комплекса внешних и внутренних факторов. Так как эта проблема находится на периферии внимания “больших игроков”, бессмысленно и опасно ждать, когда они, наконец, возьмутся за ее разрешение. “Следует осознать, что главным препятствием в разрешении Приднестровского конфликта является слабость молдавской демократии, идеи

⁶ Дмитрий Козак – в 2003 г. первый заместитель главы президентской администрации.

⁷ План Козака предусматривал сохранение на территории страны военного присутствия России – не более 2 тыс. человек на переходный период, который должен был закончиться не позднее 2020 г. Именно это положение вызвало неприятие европейцев, которые и настояли на том, чтобы президент Молдавии Владимир Воронин отверг уже парафированный им план Козака.

молдавской государственности в целом”, – подчеркивает Нантой [5].

Тем не менее и в создавшейся ситуации остаются рациональные соображения для достижения компромисса, прежде всего в самом Приднестровье. Вряд ли для его населения будет привлекательным оставаться на долгие годы самоизолированным анклавом, зависящим от поддержки извне.

Как и в приднестровском конфликте, главным институтом в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе стала СБСЕ/ОБСЕ, которая на первом этапе стремилась утвердить свое главенство над самостоятельными попытками отдельных стран вести переговоры. Однако с 1993 по 1996 г. усилилось вовлечение России в переговорную деятельность ОБСЕ, а с 1997 г. Россия, Франция и США стали сопредседателями Минской группы, что свидетельствовало о повышении международного внимания к конфликту. Не имея каких-либо жестких институтов и опыта миротворчества, СБСЕ делало все возможное, чтобы остановить войну, однако западные страны-члены не проявляли заинтересованности в миротворческих операциях в Нагорном Карабахе. В то же время они опасались, что участие российских миротворцев даст Кремлю рычаги давления на Азербайджан и усилит позиции Москвы на Южном Кавказе.

Несмотря на постоянное пробуксовывание переговорного процесса по Нагорному Карабаху, при посредничестве Минской группы все же удалось к 2007 г. представить план мирного урегулирования конфликта, который был обновлен в 2010 г. пунктом об определении статуса Нагорного Карабаха путем референдума. План выглядел так: Ереван начинает возвращать Азербайджану шесть районов вокруг НК, а также 13 деревень в Лачинском районе, который остается в качестве связующего коридора между Арменией и НК [11]. Несомненно, одним из важнейших условий мирного урегулирования должен был стать формат миротворческой операции в буферной зоне вокруг Нагорного Карабаха.

Однако принятие плана в Казани в июле 2011 г. было сорвано новыми предложениями Азербайджана, не согласованными ранее с Арменией. Таким образом, обе страны оказались в замкнутом круге, обвиняя друг друга в срыве переговоров. “Ереван утверждает, что в Баку в последний момент решили внести в документ десять изменений, а азербайджанская сторона считает, что Армения сознательно вводит в заблуждение международное сообщество. Последняя, не будучи столь сильной в экономическом и военном плане как Азербайджан, надеется на Россию, которая обязалась защищать Армению от внешней агрессии и имеет на ее территории свою военную базу” [11]. Отчасти в постоянном затягивании принятия конкретных решений ска-

зывалась определенная непоследовательность трех сопредседателей Минской группы, которые были настолько сконцентрированы на поддержании самого переговорного процесса, что шли практически на все процедурные уступки Баку.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха по степени остроты соперничества России и ЕС/НАТО отличается от других конфликтов на пространстве СНГ. Это объясняется относительной равноудаленностью и России, и Запада от конфликтующих сторон, каждая из которых по-своему важна для внешних игроков. Также в нагорно-карабахском конфликте отсутствует такой раздражающий Запад фактор, как присутствие российских миротворцев. Следует отметить, что Москва неоднократно предпринимала и самостоятельные шаги в деле урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Пик этой активности пришелся на президентство Дмитрия Медведева, который несколько раз организовывал трехсторонние встречи с президентами Азербайджана и Армении, совершал визиты в эти страны. Однако, кроме констатации руководством ОБСЕ того, что при содействии России создана серьезная база для подвижек, конкретных результатов не последовало.

Конфликт между Азербайджаном и Арменией вокруг НК не может не затрагивать интересы их соседей. Если Грузия во взаимоотношениях с Баку и Ереваном старается открыто не демонстрировать свои предпочтения, то Турция, ближайший союзник Азербайджана, и Иран, союзник Армении, их не скрывают. На практике это означает, что в случае эскалации конфликта возможна его интернационализация. Учитывая важность этого региона в плане энергопоставок, поддержание статус-кво в отсутствие реальной перспективы его урегулирования, по сути, представляется всем сторонам, вовлеченным в конфликт, наиболее приемлемым вариантом. Никому не нужна война в регионе, где нефтяной трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан и газовый трубопровод Баку–Тбилиси–Эрзрум превратятся с началом боевых действий в погребальные костры. Однако главный вопрос состоит в том, насколько реалистично долговременное поддержание статус-кво в условиях постоянного нарушения режима прекращения огня [12], в чем стороны конфликта обвиняют друг друга.

Ни в одном конфликте в СНГ международный аспект не играл такой определяющей роли, как в конфликте вокруг Украины. И в проекте Восточного партнерства ЕС, и в концепции Евразийского экономического союза (ЕАЭС) России Украина, несомненно, являлась центральным звеном. Включение последней в Восточное партнерство рассматривалось Москвой как дымовая завеса для расширения НАТО, поскольку руководство двух

организаций неоднократно подчеркивало взаимодополняемость их региональных стратегий. Столкновение двух проектов и перетягивание Украины на свою сторону спровоцировали внутренний конфликт со всеми вытекающими последствиями. Ответом Москвы стало присоединение Крыма, поддержка сепаратистов в войне на Донбассе, что повлекло военно-политическую конфронтацию с Западом, санкционную войну и разрыв сотрудничества практически почти по всем направлениям экономики и безопасности.

Нормандский формат по урегулированию украинского конфликта, созданный на встрече глав Германии, Франции, России и Украины в 2014 г., принял в 2015 г. комплекс мер по выполнению так называемых Минских соглашений, известных как Минск-1 и Минск-2. Значение имплементации Минска-2 выходит за рамки собственно конфликта в Украине и вокруг нее. Это – главное условие возобновления сотрудничества между Россией и ЕС (и Западом в целом). Подключение США в 2017 г. к процессу переговоров по Украине в лице посла Курта Волкера произошло по сценарию самой жесткой позиции Запада по отношению к России. Однако сразу же возникли разногласия Вашингтона с европейскими союзниками. Администрация Дональда Трампа объявила, что не хочет быть заложником Минска-2, в выработке которого США не участвовали, и представила свой план – переговоры по параллельному треку и заключение договора по Украине, где гарантом выступили бы США и Россия. Этот план столкнулся с жесткой оппозицией Ангелы Меркель, заявившей, что альтернативы Минску нет. Иными словами, американский представитель действует на параллельном треке в режиме консультаций с лидерами Нормандской четверки.

В принципе не так уж важно, кто может способствовать установлению мира в Украине – США или Нормандская четверка. Важен результат. Однако план администрации Д. Трампа вызвал серьезные сомнения в его реалистичности. Во-первых, это возможности самого Трампа осуществить задуманное в силу внутренней оппозиции всему, что он делает. А во-вторых, и это самое главное – суть нового договора, который неизбежно поставил бы вопрос о границах, территориальной целостности Украины, а значит и проблеме Крыма. Ни Киев, ни Москва не смогут пожертвовать Крымом даже ради крупного внешнеполитического успеха Д. Трампа, а это значит, никакого договора в таком формате быть не может.

Преимущество Минского процесса как раз заключается в том, что проблема Крыма выведена за скобки соглашения. Поэтому нужно честно признать – на сегодняшний день ему альтернативы нет, что подтверждается всеми лидерами Нормандского квартета. Разрушение Минского процесса неизбежно приведет к эскалации конфликта как с предсказуемыми, так и с непредсказуемыми последствиями. Вместе с тем для воплощения в жизнь Минска-2 необходимы вспомогательные механизмы. В последнее время появляется достаточно много новых инициатив для усиления Нормандского формата, благодаря которому и появилось соглашение. Это и создание дополнительного двустороннего канала между президентами России и Украины, и Женевский формат с участием Польши и США, и подключение генсека ОБСЕ к Нормандскому квартету, и так называемый Мариупольский формат, в котором могут принимать участие представители органов местного самоуправления Украины, Донбасса и т.д.

Как известно, процесс Минск-2 вот уже три года не выполняется по всем пунктам, кроме прекращения огня, хотя и это условие постоянно нарушается, в чем стороны всегда обвиняют друг друга. Москва и Донбасс с Луганском видят причину в невыполнении Киевом политических статей Минска-2 (изменение Конституции Украины, закон об особом статусе двух районов, порядок проведения там выборов, закон об амнистии), в то время как Украина и Запад обвиняют Россию в причастности к конфликту. Очевидно, что для гарантированного прекращения войны на юго-востоке Украины в качестве первого, но необходимого условия реализации Минских соглашений, нужна полномасштабная миротворческая операция по мандату Совета Безопасности ООН. Однако здесь сталкиваются две разные концепции миротворчества. Запад, в первую очередь США, хотя бы косовский вариант миротворческой операции, то есть размещение миротворцев на территории ДНР и ЛНР, что не может устраивать их население. (Не нужно забывать о том, что большинство населения Косово хотело размещения миротворцев на своей территории.) Без согласия населения ДНР и ЛНР размещение миротворцев внутри этих территорий будет воспринято как оккупация. Россия выступает за размещение миротворцев с согласия Украины, ДНР и ЛНР только на линии разделения по итогам Минска-2, хотя допускает и контроль на складах отвода тяжелой техники. Позиция РФ по составу контингента не ясна, но это должно быть предметом переговоров, если такое решение будет принято. Участие российских войск, видимо, было бы существенным условием согласия ДНР и ЛНР на операцию ООН.

Наиболее часто повторяемым аргументом противников миротворческой операции в буферной зоне является утверждение, что она заморозит конфликт. На наш взгляд, бояться замороженных конфликтов не надо, если они заморожены пра-

вильно в соответствии с мандатом ООН на многосторонней основе. Такие замороженные конфликты (пример тому Кипр) гораздо предпочтительнее, чем конфликты отложенные, которые выглядят как урегулированные, но внутри остаются неразрешенными. К последним в полной мере относится Босния и Герцеговина, которая может взорваться в любой момент.

Установление мира — лишь необходимое условие для политической стабилизации Украины, также прописанной в Минске-2. Как показала миротворческая операция в той же Боснии, гражданская сторона урегулирования не менее важна, чем военная. Вот здесь могут пригодиться и другие инициативы, в частности Мариупольский формат на уровне местного самоуправления как часть политики реинтеграции. В обеспечении транзита по территории Украины можно было бы вспомнить о Четырехстороннем соглашении по Берлину от 1971 г., установившим правила транзита по территории ГДР между Западным Берлином и ФРГ [13, сс. 93-98].

Понятно, что миротворческая операция ООН — это масштабное мероприятие, требующее проявления политической воли всех сторон, значительных затрат и организационных усилий, но только она способна положить конец непрекращающимся обстрелам и гибели людей в Украине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня Россию часто обвиняют на Западе в отсутствии заинтересованности в решении постсоветских конфликтов, в желании удерживать страны СНГ в орбите своего влияния через “замороженные” конфликты. Однако если внимательно посмотреть, то нельзя не увидеть, что во всех “замороженных” конфликтах столкнулись, по сути, три противоречия. Два из них не являются новыми: право наций на территориальную целостность и право наций на самоопределение, а также право наций на суверенитет и право наций на гуманитарную интервенцию. Еще Хельсинкский акт от 1975 г., признавая право наций на самоопределение, отдавал несомненное предпочтение принципам территориальной целостности и суверенитета, что объяснялось высокой степенью угрозы глобального конфликта в условиях военно-политического противостояния Востока и Запада на европейском континенте. Эти принципы вос-

принимались тогда исключительно в свете угрозы внешней агрессии. Хотя Хельсинкские принципы не носили юридически обязательный характер, никто не мог даже помыслить об их нарушении при наличии угрозы глобальной войны. После окончания холодной войны эти принципы стали применяться избирательно, в зависимости от политических предпочтений и интересов отдельных стран. Практически каждая из “Хельсинкских заповедей” была нарушена тогда, когда она приходила в столкновение с национальными интересами великих держав. Однако после окончания bipolarности к прежним двум противоречиям прибавилось еще одно — право наций свободно выбирать союзы безопасности и право наций организовывать свою безопасность в соответствии с представлениями об угрозах их безопасности.

Украинский конфликт, самый недавний и тяжелый по своим последствиям, как нельзя лучше иллюстрирует отсутствие в международном сообществе общих правил для разрешения этих противоречий. Борьба за постсоветское пространство между Россией и Западом не может быть прекращена без переосмысления их стратегий в регионе, что, несомненно, потребует определенного мужества в признании сделанных ошибок. Как представляется, руководству НАТО необходимо признать, что стратегия расширения альянса на восток изжила себя и не приносит ничего, кроме конфликтов с Россией. Европейский союз должен подумать о том, что Восточное партнерство требует реформирования и предложить РФ новый проект сотрудничества на постсоветском пространстве, основанном на конкретных функциональных проектах в разных сферах и построенном на принципе гибкой геометрии, включающим всех желающих. России в свою очередь следует признать, что главное в обеспечении ее национальной безопасности — не создавать врагов в своем ближайшем окружении и за его пределами. Сегодня многие политики и эксперты как в ЕС, так и в НАТО сетуют на то, что в отношениях России и Запада нет доверия. Урегулирование замороженных конфликтов в СНГ может послужить началом возрождения доверия, которое возникает только в процессе совместного решения проблем.

Статья выполнена в рамках проекта “Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России”, программа Президиума РАН № 22 “Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей для России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hamilton R. E. *The Post-Soviet Wars: Part I*. December 18, 2017, Foreign policy Research Institute. Available at: <https://www.fpri.org/article/2017/12/post-soviet-wars-part-i/> (accessed 20.02.2019).
2. Cornell Svante E. *The Nagorno-Karabakh Conflict*. Report no. 46, Department of East European Studies, Uppsala University, 1999. Available at https://is.muni.cz/el/1423/podzim2012/MVZ208/um/35586974/Cornell_The_Nagorno-Karabakh_Conflict.pdf (accessed 20.02.2019).
3. Дрюэ С., Скаков А. *Конфликт и мир в Южной Осетии – с точки зрения местного населения*. Центр Льва Гумилева. 09.04.2015. [Druyev S., Skakov A. *Konflikt i mir v Yuzhnoi Osetii – s tochki zreniya mestnogo naseleniya* [Conflict and peace in South Ossetia – from the point of view of the local population]. Centr L'va Gumileva. 09.04.2015. Available at: <http://www.gumilev-center.ru/konflikt-i-mir-v-yuzhnoy-osetii-s-tochki-zreniya-mestnogo-naseleniya/> (accessed 02.02.2019).
4. Хроника грузино-абхазского конфликта 1989–2008 гг. Справка. *РИА Новости*, 04.05.2008. [Chronicle of the Georgian-Abkhaz conflict 1989–2008. Reference. *RIA News* 04.05.2008 (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20080504/106510243.html> (accessed 02.02.2019).
5. Нантой О. Истоки и перспективы разрешения Приднестровского конфликта. *Art of War*, 22.11.2011. [Nantoi O. Istoki i perspektivy razresheniya Pridnestrovskogo konflikta [The origins and prospects for resolving the Transnistrian conflict]. *Art of War*, 22.11.2011] Available at: http://artofwar.ru/i/iwan_d/text_0350.shtml (accessed 02.02.2019).
6. *Азербайджан повысил цену аренды РЛС в Габале в 40 раз*. 29.02.2012. [Azerbaijan raises the price of renting a radar station in Gabala 40 times. 29.02.2012 (In Russ.)] Available at: <https://vz.ru/news/2012/2/29/564808.html> (accessed 02.02.2019).
7. НАТО и Запад сожалеют о решении России приостановить действие ДОВСЕ. *РИА Новости*, 14.07.2007. [NATO and the West regret Russia's decision to suspend the CFE Treaty. *RIA News*, 14.07.2007 (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/20070714/68963877.html> (accessed 02.02.2019).
8. Арбатова Н. Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности. *Индекс безопасности*, № 3 (94), т. 16. [Arbatova N. Zamorozhennye konflikty v kontekste evropeiskoi bezopasnosti [Frozen Conflicts in the Context of European Security]. *Indeks bezopasnosti*, no. 3 (94), vol. 16. Available at: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13407022410.pdf> (accessed 02.02.2019).
9. Лавров напомнил Западу о прецеденте Косово в связи с Крымом. *Ведомости*, 15.05.2015. [Lavrov reminded the West about the precedent of Kosovo in connection with the Crimea. *Vedomosti*, 15.05.2015. (In Russ.)] Available at <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/05/15/lavrov-napomnil-zapadu-o-pretседente-kosovo-v-svyazi-s-krimom> (accessed 02.02.2019).
10. *Memorandum. (Meeting of Chancellor Angela Merkel and President Dmitri Medvedev on 4–5 June 2010 in Meseberg)*. Available at <https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/files/2010-06-05-meseberg-memorandum.pdf> (accessed 02.02.2019).
11. Ишкаускас Ч. Почему буксуют переговоры по Нагорному Карабаху? *Геополитика*, 19.07.2011. [Ishkauskas Ch. Pochemu buksuyut peregovory po Nagornomu Karabakhu? [Why are the negotiations on Nagorno-Karabakh skidding?] *Geopolitika*, 19.07.2011.] Available at: <https://inosmi.ru/caucasus/20110719/172188795.html> (accessed 02.02.2019).
12. Ситуация в Карабахе: Азербайджан за неделю нарушил перемирие 180 раз. *Sputnik*, 19.01.2019. [Situation in Karabakh: Azerbaijan violated a truce 180 times a week. *Sputnik*, 19.01.2019 (In Russ.)] Available at: <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20190119/16839642/situaciya-v-karabahe-azerbajdzhan-za-nedelyu-narushil-peremirie-okolo-180-raz.html> (accessed 02.02.2019).
13. Arbatova N. Conflict in Ukraine: In Search for Ways to Break the Deadlock. *Russia Arms Control, Disarmament and International Security*. Arbatov A., Oznobishchev S., eds. IMEMO Supplement to the Russian Edition of the SIPRI Yearbook 2016, Moscow, IMEMO, 2017, pp. 93–103.

THREE DIMENSIONS OF THE POST-SOVIET “FROZEN” CONFLICTS*(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 5, pp. 88–100)**Received 27.02.2019.*Nadezhda K. ARBATOVA (arbatova@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

*Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the project “Formation of a polycentric world order: risks and opportunities for Russia”, program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences No. 22 “Analysis and forecast of new global challenges and opportunities for Russia”.**The article is dedicated to the analysis of three dimensions of the post-Soviet “frozen” conflicts – internal, post-imperial / post-Soviet and international, the dialectics of interconnection of these dimensions in relations between Russia and the EU / West, as well as to the prospects for resolving these problems. The formation of new independent states as a result of the collapse of the former Yugoslavia and the USSR gave rise to separatism of national minorities, large enough to count on their own statehood, which caused many intrastate conflicts. Despite economic, political, cultural and ethnic specifics of such conflicts, as well as their differences in terms of geopolitical position, they all have certain common essential features. These are: the bitterness of the dominant titular ethnic group defeated in the quarrel with separatists as a result of the external forces' intervention, the refugee factor (with the exception of Transnistria),*

the loss of territorial integrity, and the fact that in the new independent states communism was replaced by nationalism. The exception during the collapse of the USSR was only Russia, where the communist system was defeated by the revolutionary democrats, while Russian nationalists stood for the revival of the Soviet empire. However, this period was very short. As contradictions between Russia and its Western partners ripened and escalated, conflicts in the post-Soviet space became a mirror reflection of their rivalry and a threat to international and regional security. This was fully demonstrated by the Ukrainian conflict. The battle for the post-Soviet space between Russia and the West cannot be stopped without rethinking their strategies in the region, which will undoubtedly require some courage in admitting the mistakes made. It seems, the NATO leadership must recognize that the Alliance's expansion strategy to the east has outlived itself and is not bringing anything but clashes with Russia. The European Union should think about the need to reformat the Eastern Partnership and offer Russia a new cooperation project in the post-Soviet space, based on specific functional projects in different areas and built on the principle of flexible geometry including everyone. Russia, in turn, must recognize that the main thing in ensuring its national security is not to create enemies in its immediate environment and beyond. Today, many politicians and experts in both the EU and NATO complain that there is no trust in relations between Russia and the West. The settlement of "frozen" conflicts in the CIS can serve as the beginning of the revival of trust, which arises only in the process of joint problem solving.

Keywords: CIS, Russia, EAEU, European Union, Eastern Partnership, USA, NATO expansion, Nagorno-Karabakh, Transnistria, Caucasus crisis, Ukrainian conflict, security strategy, defense and foreign policy.

About author:

Nadezhda K. ARBATOVA, Doctor of Political Science, Head of Department for European Political Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-88-100